

Резник О.В.

«ОКАЯННЫЕ ДНИ» И.А.БУНИНА И «ВОСПОМИНАНИЯ» ТЭФФИ: УКРАИНА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

В статье проанализирована тема Украины в произведениях И.А.Бунина «Окаянные дни» и Н.А.Тэффи «Воспоминания» (в историко-литературном контексте, причем украинская тема в литературе русской эмиграции рассматривается с точки зрения гендерного подхода). Работа подчеркивает значение авторской индивидуальности при отражении эпохи гражданской войны на Украине. Автобиографизм и эмоциональность сравниваемых произведений дают возможность провести некоторые исторические и общечеловеческие параллели.

Ключевые слова: тема Украины, Тэффи, Бунин, «Окаянные дни», гражданская война, литература русского зарубежья, гендерный подход

У статті проаналізована тема України у творі «Окаянные дни» І.О. Буніна (в історико-літературному контексті). Вперше українська тема в літературі російської еміграції подається з точки зору гендерного аналізу. Робота підкреслює важливість авторської індивідуальності у відтворенні епохи громадянської війни на Україні. Автобіографізм та емоційність твору, якій вивчається у статті, дають можливість розглядати цю тему на тлі загальнолюдських питань.

Ключові слова: тема України, І.О.Бунін, громадянська війна на Україні, гендерний аналіз, “Окаянные дни”

The given article is examining the Ukrainian theme in Russian literature of I.Bunin in wide historically-literary context. For the first time the Ukrainian theme is studied in Russian émigré literature from a viewpoint of the gender approach. This work fixes the role of author's individuality in reconstruction the general characters of Ukraine during the epoch of the Civil War. The events of Ukrainian annals and historical characters.

Key words: Ukrainian theme, I. Bunin, Russian émigré literature, the Civil War, gender approach, “Okayannije dni”

Критика уже сравнивала пафос «Окаянных дней» И.А.Бунина с «Несвоевременными мыслями» М.Горького и публицистическими письмами В.Короленко к А.Луначарскому. Для всех троих революция – разрушение культуры. Но если для М.Горького и В.Короленко сама революция – слово святое, а происходящее лишь измена «демократической» революции, призванной возродить массы к созидательному творчеству, то для Бунина революция всегда была хаосом, торжеством тупости и хамства, отсюда и больший трагизм книги Бунина. Сам Бунин, выступавший с критикой Горького, думается, был бы не в восторге от такого сравнения. В то же время сравнение «Окаянных дней» с аналогичными по тональности воспоминаниями эмигрантов практически не проводилось, хотя не менее интересно сравнить «Окаянные дни», например, с писательницей-эмигранткой – Н.А.Тэффи.

Надежда Александровна Тэффи писала о книге Бунина «Избранные стихи» (Париж, 1929): «Он никогда не опьяняется словами, не бьется в падучей творческого экстаза. Он ясен, спокоен и великолепен (...) В «Избранных стихах» Бунин (как и не в избранных его стихах) всегда, в каждой строфе вы найдете такое слово или такой образ, который восхищает своей необходимостью» [1, 18] Думается, столь восторженная оценка и глубокий интерес этих писателей друг к другу в чисто человеческом плане позволяет рассматривать одесские страницы «Воспоминаний» Тэффи в контексте одесских же страниц «Окаянных дней» Бунина.

Современники неоднократно ставили рядом фигуры И.А.Бунина и Н.А.Тэффи. Их неповторимый талант видеть великое в простом, глобальное в обыденном, изгнанническая судьба и острая ностальгия по родине позволяют рассматривать вместе такие яркие писательские индивидуальности. И хоть Тэффи не была удостоена Нобелевской премии, ее творчество было широко известно и любимо. Возможно, чувствуя свою ответственность перед читателем, Надежда Александровна не могла не отразить на страницах воспоминаний то страшное и непостижимое умом явление, которое получило название – «гражданская война».

Но тон воспоминаний Тэффи существенно отличается от интонации Бунина. Не гнев, а растерянность, не отстраненность, а существование «в самой гуще». Вот почему она чаще апеллирует к историям из своего прошлого, чем к истории или литературным примерам.

В то же время сравнение воспоминаний Тэффи и Бунина вполне закономерно. Как справедливо отметил С.Н.Морозов (Москва) в статье «Н.А.Тэффи и И.А.Бунин: к истории творческих отношений», «хоть Н.А.Тэффи и И.А.Бунин – писатели совершенно разного характера, их, однако, многое объединяло, что и определило их дружбу на протяжении полувека» [1, 280]. Рискнем предположить, что объединяло их именно то, что с такой силой нашло отражение в «Воспоминаниях» и «Окаянных днях»: острый, аналитический ум, беспощадный и правдивый взгляд на окружающую действительность, отсутствие иллюзий на счет большевиков и новой власти. И Бунин, и Тэффи увидели в новых исторических условиях «темный русский бунт», ощутили неумолимую силу судьбы. И Тэффи, и Бунин придают особое внимание мелочам, стремясь запечатлеть живые лица, сам «пульс событий».

Так же, как и «Воспоминания» Тэффи сложно отнести к мемуаристике в чистом виде, так и «Окаянные дни» Бунин имеют сложную жанровую природу, поскольку установившиеся художественные формы оказались неподходящими для отражения сложной действительности. И в «Воспоминаниях», и в «Окаянных днях» - сквозной герой-повествователь, придающий всему не только определенную цельность, но и особую, насыщенно-эмоциональную интонацию. Писателей нельзя упрекнуть в беспристрастности, скорее, наоборот: страх перемежается со злобой, неизвестность – с обреченностью, создавая сплав невиданного политического абсурда.

Изучение вопроса о творческих взаимосвязях писателей-современников подтверждает история их личных взаимоотношений. Особенно важным является то обстоятельство, что Бунин неоднократно встречался с Тэффи в Одессе, особенно в 1918 – 1919 годах. Поэтому, когда в 1931 г. вышла книга Тэффи «Воспоминания», она подарила ее Бунину со следующей надписью: «Ивану Алексеевичу Бунину. К подножию ног его сии брэнной жизни моей дни с любовью, Тэффи» [1, 280] Кажется неслучайным то совпадение (буквальное!), которое допускает в посвящении Тэффи, писательница, столь бережно и внимательно относящаяся к слову: автору «Окаянных дней» она дарит свои «брэнные дни»!

Э.Нитрауэр (США), изучая Бахметевский архив, отметила, что собственно произведения Бунина Тэффи никак не оценивает и не анализирует: «На наш взгляд, объясняется это тем, что для Тэффи Бунин – абсолютный литературный авторитет, гений, и оценивать его тексты в частном письме для Тэффи так же бессмысленно, как и произведения Л. Толстого или Пушкина» [1,303]. Но и для Бунина, по его собственному признанию, Тэффи – непревзойденный «музыкант слова, критик и читатель, «каких поискать». Они шли как бы «на равных», поэтому и сравнивать их вполне закономерно. Люди одного поколения и широчайшей эрудиции и культуры, интеллигенты, страстно обеспокоенные судьбой своей родины – это и многое другое объединяет авторскую позицию создателей «Окаянных дней» и «Воспоминаний».

В Одессе бежавшая от большевиков столичная интеллигенция старается наладить нормальную жизнь: создаются газеты, издательства, кружки, читаются публичные лекции. В конце 1919 г. Одессу захватили большевики, и Бунин наблюдал те кровавые оргии, в которых гибли тысячи людей. 11 августа 1919 г. Добровольческая армия освободила Одессу от большевиков. Знаменательный факт - была поймана сотрудница ЧК, хромая женщина (мстила природе!) «товарищ Лиза», которая «кричала толпе, что 700 человек сама расстреляла и еще расстреляет 1000. Толпа чуть не растерзала ее», [1,308] – напишет Бунин в воспоминаниях. Впрочем, уже на первых страницах «Окаянных дней» возникает «женский вопрос». Описывая митинги 1918 года, Бунин отмечает возрастающую женскую активность в политике: «Женщины горячо и невпопад вмешиваются, перебивают спор (...) частностями, торопливыми рассказами из своей личной жизни, долженствующими доказать, что творится черт знает что»[2,66].

И если у Тэффи «бабы с горящими глазами» только угрожают, то Бунин приводит выдержку из «протокола»: «30-го января мы, общество, преследовали двух хищников, наших граждан Никиту Александровича Булкина и Адриана Александровича Кудинова. По соглашению нашего общества, они были преследованы и в тот же момент убиты».

Примечательно, что у Тэффи все увиденное подается как жуткий, пока единичный случай, а Бунин стремится к предельному обобщению – не люди, а «общество» убило.

Бунин постоянно сохраняет четкую дистанцию между собой и героями, Тэффи же, напротив, сама «герой» этого повествования. В то же время рассказ Бунина более эклектичен. Если Тэффи только задумывается: «Что же нас ждет?», то Бунин категорически заявляет: «Пропала Россия!» [2,68] Эта мысль доносится не только через документальные вставки, но и через разительный контраст: сумятица и хаос человеческих отношений – и красота, тишина зимней природы. Причем именно в таком сочетании достигается небывалый эффект оксюморона, которым довольно часто пользуется в «Воспоминаниях» и Тэффи:

«Вон из Москвы! А жалко. Днем она теперь удивительно мерзка» [2,83] или: «Жена архитектора Малиновского (...), за всю свою жизнь не имевшая ни малейшего отношения к театру, теперь комиссар театров...» [2,86] Эти нелепицы жизни показательней любой авторской фантазии!

В то же время Бунин легко переходит от конкретных фактов, бытовых зарисовок к предельным обобщениям:

«Как потрясающе быстро *все* сдались, пали духом!»[2,70]

«Какое обилие новых и *все* высокопарных слов!

Во *всем* игра, балаган, «высокий стиль», напыщенная ложь.

Жены *всех* этих с.с...»[2,70]

Различные формы местоимения «*весь*» как бы подчеркивают масштабность происходящего, всеобщий, глобальный характер перемен.

Рассказ Тэффи - торопливый, несмотря на то, что это воспоминания (т.е. события описываются спустя значительный отрезок времени), сохраняется скорость дороги-жизни. Словосочетание «мы

катимся» передает весь стремительный темп развития событий. Бунин же, напротив, ретродуцирует повествование различными способами.

Каждая дневниковая запись – набор(часто мало связанный) фактов и наблюдений рассказчика за данный конкретный день, причем одни из них излагаются максимально беспристрастно, другие, наоборот, с едкими и точными авторскими ремарками.

Еще один мотив, роднящий прозу Бунина с воспоминаниями Тэффи, – это страх. Причем если Тэффи, уже уехавшая за границу, в «Воспоминаниях» как бы не верит в отъезд, то герой «Окаянных дней» не только верит, но и принимает бегство как неизбежное, постепенно готовясь к нему: «... не верю и все собираюсь на юг» [2,84] Но причины одинаковые: во-первых, «все едут», а во-вторых, физическое неприятие действительности. И если о новом рассказе Тренева Бунин холодно роняет, что автор «изнуряет «наблюдательностью» [2,83], то его собственную позицию именно так и можно определить – «пристрастный наблюдатель». Он умело «вкрапляет» и цитаты из Библии, и солдатские реплики («... уж очень мы освинели!» [2,82]) Именно в Библии и «Российской истории» Татищева Бунин находит сходство современности и дней давно минувших. Поэтому актуальность его труда еще и в том, что он видит основную причину революции в незнании истории. Нет ничего нового в этом братоубийственном кровопролитии и ясно уже, чем все закончится: «...ища чужого, о своем в оный день возрыдает...» [2,98] Одновременно Бунин приходит к парадоксальной, но столь значимой для него мысли: разрушение мира начинается с уничтожения истории и языка.

Что же противопоставить этому разгулу стихии? Бунин сам выделяет эти слова курсивом:

«Да, если бы на самом деле повеяло чем-нибудь «серьезным», живо бы эта «стихийность великой русской революции» присмирела» [2,82] Т.е. страх и ужас этой силы можно унять только страхом перед наказанием, возмездием за содеянное! А это значит, что ни в какое «мирное» разрешение конфликта, Бунин, хорошо знавший народную психологию, не верил: «...меня спасло только бешенство, с которым я с матерными словами кинулся на орущую толпу» [2,83]

Тэффи не кидается, не негодует, не угрожает. Она не ищет объяснений в Библии для всего народа, а исследует психологию, пытается вникнуть в «трагедию» (а именно так она воспринимает роль революции в жизни человека) исторических типов – обычных людей. Возможно, объяснение этому в том, что Бунин, возвращаясь с улиц домой, в какую-никакую «крепость», а героиня «Воспоминаний» оторвана сразу(и как выяснилось, навсегда) от спокойного и надежного очага. Именно в «Окаянных днях» Бунин противоречит сам тому мифу о своей «вселенской бездомности», который так широко известен. В той части «Воспоминаний», которая посвящена Украине, интонация Тэффи постоянно меняется: радость от обретенного «угла» оказывается преждевременной(неудобно и холодно), празднично одетая толпа все время ожидает чего-то нового, страшного. И лейтмотивом киевской жизни оказывается образ-символ сквозняка: вот сейчас подует посильнее, и под влиянием неуправляемого вихря перемены снимутся с насиженных мест обреченные люди. Тот факт, что «Воспоминания» написаны уже в эмиграции, позволяет придать описываемому особую рельефность и значимость.

По Тэффи, страшный суд уже наступил, но все стремятся не знать, не сознавать, не думать о том, что каждого могут ограбить, убить, расстрелять. Поэтому ощущение всеобщей растерянности и страха перед неотвратимостью рока передано через образы тумана, жуткого сумбура, ледохода, а также через постоянно подчеркиваемый эпитет «последний»: в «последние дни» «покупали какие-то «последние лоскутья», слушали в последний раз последнюю оперетку и последние изысканно-эротические стихи...» [3, 273] Сравним с записью от 24 марта 1918 года в «Окаянных днях». Она не только заканчивает записи, датированные 1918-м годом(в то время как в дневниках есть и майские, и апрельские записи), но и очень напоминает по манере письма и интонационно «Воспоминания» Тэффи. Даже определение лица рассказчика совпадает - первое лицо единственного числа, характерное для «Окаянных дней», сменяется множественным: «Теперь, несчастные, говорим о выступлении уже Японии на помощь России (...), еще о том, что рубль вот-вот совсем ничего не будет стоить, что мука дойдет до 1000 р. за пуд, что надо делать запасы... Говорим – и ничего не делаем: купим 2 фунта муки и успокоимся» [2,89]

Такое несомненное сходство можно объяснить и психологически – ведь именно в эти дни и у Тэффи, и у Бунина окончательно складывается решение – ехать! Этим отчаянием и решимостью, обреченностью полны строки обоих писателей, физически не принимавших никакого насилия.

Следующий этап – Одесса – не просто общность, а пересечение судеб. Как уже упоминалось ранее, Бунин встречался с Тэффи в Одессе в 1918 – 1919г. И главное, что объединяет эти записки у Тэффи и Бунина – уверенность в том, что это не надолго: «...в полной уверенности на более или менее мирное существование «до возврата в Москву» [2,89] Оба настаивают на том, что следующим поколениям(детям, внукам) будет трудно представить, что потеряли отцы – «всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...» [2,90]

Интересно сравнить и описание города:

У Бунина: «Мертвый, пустой порт, мертвый, загаженный город...» [2,90] Слово «мертвый» выступает доминантой повествования.

У Тэффи : «Дунул вихрь, закружил и смел. Остались только пыль да сор...» [3, 375] Грязь в человеческих отношениях, пыль и сор преобладают на страницах воспоминаний.

Звучит у них еще один важный мотив – все сошли с ума. Так, Бунин, вспоминая начало революции, утверждает: «Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство»[2,90] У Тэффи это звучит приблизительно так: «Все сошли с ума!» В «Окайнных днях» революция изображена страшной еще и потому, что в человеке исчезает человеческое: «В человеке просыпается обезьяна»[2,91] Эти же животные черты находит в окружающих ее и Тэффи, прямо характеризуя женщину-палача – «зверь», а в других «борцах за светлое будущее» она отмечает то утиный нос, то хищную ухмылку. В то же время Тэффи по-женски отвергает слово «смерть», всячески избегая его употребления. Бунин, наоборот, не только им оперирует, но и размышляет, анализирует это явление: «Какое вообще громадное место занимает смерть в нашем *и без того крохотном* существовании! А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти» [2,91]

Как отмечал известный литературовед О. Михайлов в монографии «Жизнь Бунина», «... не являясь православным писателем в том смысле, в каком были поздний Борис Зайцев или Иван Шмелев(как бы жившие при свете Евангелия), Бунин нес в себе такую *память о смерти*, каковая приближала его к отцам церкви и пустыннокам...»[4,16] Рядом со смертью у Бунина постоянно оказывается другой «объект времени» - страх. Страх перед неизвестностью, страх перед будущим, страх за себя и за Родину...

От смерти и страха у Бунина всего один шаг к еще одному патологическому явлению – болезни. Причем писатель изображает свое состояние в двух планах: психологическом и физиологическом: «Когда выходишь, идешь как при начале тяжелой болезни»[2,104] Изнуряющее ожидание возврата прежних времен приводит к тому, что автор «Окайнных дней» до самого завтрака мог пролежать в постели с закрытыми глазами или «утратить чувство весны». Сам Бунин отмечает, что это ожидание «изувечит наши души, если даже мы и выживем»[2,91]. Усталость до изнеможения (неслучайно употребление сниженной лексики: «поташился», «паскудно», «душу перевертывает»), ярость и боль оскорбленного самолюбия сплетаются в одно очень емкое определение: «...главное ощущение теперь, что это *не жизнь*»[2,94] 94 У Бунина все чаще звучит сравнение новой власти с балаганом, представлением(не случайно в этом контексте воспоминание о танцующей пьянице, на которую со слезами на глазах приглашал посмотреть М.Горький). Как тут не вспомнить определение «текущего момента», данное в «Воспоминаниях» Тэффи: «...оперетка «Сильва» с народным гневом»[3,283].

Так же, как и Тэффи, Бунин делит Россию на «тех» и «наших». «Наши» ждут чуда, боятся смерти, «воровски шепчутся». «Те» - это не только «восставший народ», но и «перекрасившиеся» интеллигенты, комиссары и «босьяки с винтовкой на веревке через плечо»[2,92]. Но у Тэффи это, скорее, обобщенные образы(или анонимные, или с вымышленными говорящими фамилиями. Как указано в предисловии к «Воспоминаниям»: здесь читатель не найдет «ни прославленных героических фигур описываемой эпохи..., ни разоблачений той или иной политической линии, ни каких-либо «освещений и умозаключений» [3, 268] В то же время ее интересуют «исключительно простые» люди и происшествия.). Бунин же сознательно насыщает повествование фамилиями и именами и тех, и других.

Но это не подмена «мужского» (обобщенного) типа мышления «женским» (предметно-бытовым, локальным). Это сознательная установка автора на документалистику, это веление времени и писательской совести, наконец.

Объединяет авторов мемуаров и бытовая неустроенность Бунин отмечает «дикие цены» на продукты (Тэффи еще пробует шутить по этому поводу), его Одесса – темный, страшный город. Если Тэффи употребляет слово «банды», то Бунин оперирует словом «разбойники», но суть остается та же – страх перед анархией и произволом тех, кто стреляет и грабит: «Сейчас все дома темны, в темноте весь город, кроме тех мест, где эти разбойничьи притоны, - там пылают люстры, слышны балалайки(...), стены, увешанные черными знаменами, на которых белые черепа с надписями: «Смерть, смерть буржуям!» [2,97]

Характерно, что Бунин отмечает возросшую в этих условиях тягу к Богу. Но если Тэффи, вспоминая Киево-Печечерскую Лавру, монастыри, считает это велением ее сердца, то у Бунина все носит характер глобального обобщения: «Так все жутко и гадко вокруг, что тянет в церкви, в эти последние убежища, еще не залитые потоком грязи, зверства»[2,96] В скобках заметим, что, парадоксально, но эти строки рождаются после посещения Буниным синагоги. Тональность и даже образы – различны: у Бунина фигурирует «Единый, перед коим можно излить душу...»[2,97], у Тэффи – грустная Небесная Царица. У Бунина – дико-страстные вопли в церкви и рыдания, у Тэффи молится тихая старушка с беззвучной мольбой. Но и Бунин, и Тэффи воспринимают церковную красоту как «остров «старого» мира в море грязи, подлости и низости «нового»[2,105]

Тэффи все время подчеркивает, что ее гонит на юг судьба, Бунин же выделяет свою автономность от происходящего. Его не интересуют лирические отступления о прошлом, он обращается к воспоминаниям лишь в поисках ответов на вопрос: «Кто же во всем этом виноват?» У Тэффи воспоминания камерные, интимные, у Бунина они насыщены фамилиями писателей и общественных деятелей. Даже изображая неизвестного оратора и его слушателя-дезертира, Бунин стремится типизировать, сделать узнаваемым и

отчетливо запоминающимся «рисунок с натуры». Все эпитеты подчеркнута уничижительны и субъективны (глаза «...кажутся особенно яростными», «грязный бумажный воротничок»[2,97], «жилет донельзя запакощенный» [2,98]). Отношение автора поражает своей категоричностью: «И физически больно от отвращения к нему...»[2,98] Бунин обобщает: «Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в крови, половина Одессы рыдала бы от восторга»[2,98] Действительно, нечеловеческие условия лишают человеческих чувств!

Бунин комментирует ультиматум Раковского и Чичерина Румынии – «в 48 часов очистить Буковину и Бессарабию!» как издевательство над простолюдинами, а сообщение о том, что работа в одесской чрезвычайке «налаживается», вызывает у него саркастический смех. Но это не тот смех, который звучит у Тэффи – сам Бунин отмечает у себя «эмоциональный столбняк» - бесчувственность. Интересно, что все происходящее на Украине Бунин воспринимает с позиций жителя России. Так, слух о том, что в Одессе будет такой же дикий грабеж, как в Киеве – «сбор» одежды и обуви (стоит вспомнить для анτισравнения такой же «сбор» на *убегающем от большевиков* корабле, который изображает в «Воспоминаниях» Тэффи), вызывает у него пространное рассуждение о страшной душе русского народа – участника и инициатора всех ужасов революции и гражданской войны.

Одесса же предстает совершенно разной в начале и конце произведения. Здесь есть уже и молодая зелень зацветающих каштанов и лозунги на стенах: «Граждане! Все к спорту!»[2,101] Все магазины закрываются засветло, ужасная дороговизна, а одесский порт «пуст, хоть шаром покати, все то жалкое, что есть еще кое-где у пристаней, все ржавое, облупленное, ободранное, а на Пересыпи торчат давно потухшие трубы заводов»[2,170] То разорение и запустение, которое Тэффи отмечала во время своего путешествия на юг по всей Украине, у Бунина приобретают характер символа - «мертвая страна!»[2, 170]

Однако одесский дух, выражающийся в желании покутить на последние, показать себя, о чем писала Тэффи еще до прихода большевиков, находят свое выражение и теперь. При любой власти находятся воры и бандиты, но при большевиках они чувствуют себя еще привольней: «И по странно пустым, еще светлым улицам на автомобилях, на лихачах, - очень часто с разряженными девками, - мчится в эти клубы и театры (глядеть на своих крепостных актеров) всякая красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи...» [2,107] Бунин изображает «красные похороны» на Дерибассовской, черные кучки играющих на гармониях матросов и делает неутешительный, но знаменательный по своей законченности вывод: «Вообще, как только город становится «красным», тотчас резко меняется толпа, наполняющая улицы. Совершается некий подбор лиц, улица преобразается»[2,107] Но тут же подчеркивает, что это нехарактерно для Одессы – просто до нее докатился «московский вихрь» и сделал похожей на столицу российского бунта. Несколько раз, в разных эпизодах упоминается о «чужеродности», ненужности этого движения не только для Одессы, но и для России, мира в целом. Думается, что следующие строки можно отнести и к ситуации на Украине: «Но не менее страшно было и на всем прочем пространстве России, где вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование, беспричинная праздность и противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество»[2,110].

Страшно, что в богатейшей стране, в богатейшем городе - Одессе – «в один месяц все обработали: ни фабрик, ни железных дорог, ни трамваев, ни воды, ни хлеба, ни одежды – ничего!» [2,119] Все страшнее и страшнее приметы человеческого безумия (именно так характеризует Бунин новую власть): сломали знаменитую одесскую эстакаду для ссыпки хлеба; рубят прямо на улицах деревья. Заплеванные улицы, уродливые плакаты, распущенная и грязная толпа – все это реалии новой власти на Украине. Ни одного улыбающегося лица, крестьяне из близлежащих деревень портят урожай, чтобы только не торговать в большевистской Одессе.

Газеты сообщают о том, что в Киеве «приступлено к уничтожению памятника Александра Второго»[2,125], а на Киев идет Зеленый (у Тэффи тоже есть упоминание о непонятных «зеленых» - не красные и не белые, кто их разберет?) Еще одна примета времени – атаман Григорьев, который провозгласил себя гетманом и объявил войну советскому правительству. Воззвание членов военно-революционного совета Дятко, Голубенко, Щаденко полно площадной брани и откровенных нелепиц, направленных против Григорьева – «авантюрист, пьяница, прислужник (...) *маменькиных сынков*, Григорьев открыл свою настоящую личину, окружил себя *стаей черных воронов с засаленными рожками*...»[2,126] Но и большевики в изображении Бунина – грязные, засаленные рожи! Вот почему встревожилась новая власть в Одессе и в Киеве, а в Бупе («бюро украинской печати») возникают известия о том, что сообщение с Киевом прервано из-за того, что мужики, тысячами идущие за лозунгами Григорьева, на десятки верст разрушают железную дорогу. Бунин отмечает, что «впоследствии это будет рассматриваться как «борьба народа с большевиками»[2,132], а дело все в нежелании работать, в том, что «социализм» приводит мужиков в бешенство. Николаев взят, а в «Одесском коммунисте» появляется злая поэма о «пане Гетмане». Бунин собирает эти документы эпохи, лишь изредка дает к ним авторский комментарий – уж слишком красноречиво говорят они сами за себя!

Мелькают, мелькают картинки, по выражению мемуариста, «из местной жизни»: грабеж, расстрелы контрреволюционеров, кто-то бросил бомбу на Соборной площади. Страшное время обостряет национальный вопрос: и вот уже «юдофобство в городе лютое»[2,127], еврейский погром на Большом Фонтане, учиненный одесскими красноармейцами: врывались ночью, «убивали кого попало. Люди бежали в степь, бросались в море, а за ними гонялись и стреляли, - шла настоящая охота»[2,128] Бунин не комментирует факты, он просто изображает власть, лишённую жалости, смысла, человеческого лица. Уже здесь появляются первые, пусть еще и смутные мысли об эмиграции. Но какой смысл ехать в Италию или во Францию – везде настоящему художнику было бы противно, если он вполне узнал глубину человеческой души, всю ее мерзость и низость. Гражданская война, события на Украине и в Одессе заставили посмотреть на все иначе, другими глазами, увидеть то, что раньше не замечалось, казалось второстепенным. А по сути ничего не изменилось: «К сожалению, украинская деревня осталась такой же, какой ее описывал Гоголь, - невежественной, антисемитской, безграмотной...»(из большевистского воззвания Раковского)[2,130]. А если так, то зачем же вообще был свершен весь этот ужас - революция?

Мужик из-под Одессы жаловался, что хлеба хороши, да сеяли мало, боялись большевиков: «придут, сволочь, и заберут!»[2,135] И как ответ новой власти – мужики убивают вилами и топорами красноармейцев, нападают на поезда, «григорьевщиной охвачена почти вся Малороссия»[2,139] Этот народный бунт в изображении Бунина – страшная, неуправляемая сила: «В Николаеве зверский еврейский погром. Елизаветград от темных масс пострадал страшно... Магазины, частные квартиры, лавчонки и даже буфетки снесены до основания. Разгромлены советские склады.»[2,141] - это выдержки из газет, напоминающие военные сводки. Только кто и с кем воюет, непонятно. «Темные массы» против «темных масс»? Отсталость против невежества? Бунин объясняет это все словами Блока – «народ объят музыкой революции...», но сколько в этом объяснении сарказма, горечи, боли. Новая власть не приживается, воспринимается враждебно местным населением: «Все дышут тяжкой злобой к «коммунии» и к евреям»[2,143]. Откуда же взяться народной любви, когда всюду «хохлы и хохлушки чуть не десятого столетия, худые волю, допотопные телеги...»[2,143] «О ком и о чем заботятся вообще революционеры, если они так презирают среднего человека и его благополучие?»[2,146] – к сожалению, этот вопрос на страницах «Окаянных дней» так и остался риторическим.

Вот почему рядом с глобальными обобщениями, рассуждениями о новой власти, ее сути и содержании – забота о хлебе насущном(пайки, хлеб с плесенью, постоянное недоедание), разорванные вырезки из газет(воспоминания никому не нужны), тщательно списанные «слово в слово» афиши и плакаты(приметы новой жизни). В Харькове приняты чрезвычайные меры – расстрел «на месте», в Одессе расстреляно еще 15 человек, впрочем, «Одесса сама дохнет с голоду» [2,151]. Не случайно сама поездка из Москвы в Одессу воспринимается Буниным как нечто лучшее – было движение, свежие впечатления, была, наконец, надежда на то, что весь этот большевистский ужас скоро закончится. Теперь лишь утопические мечты о Крыме, где, говорят, власть меньшевиков, хлеб стоит восемь гривен фунт и прочие блага! Как напоминает этот отрывок «Окаянных дней» наивную мечту Тэффи о «сытом Киеве!» Так же, как и автор «Воспоминаний», Бунин цитирует местное население, объективно стремясь передать справедливый голос низов. Он показывает, что одесские нравы страшны и бесчеловечны настолько, что ими крестьянки даже пугают детей: «Цыц! А то виддам в Одессу в коммунию!» Это не просто цитата – это стихия народного языка и жизни.

Но гораздо примечательнее другая текстуальная переключка, перерастающая в мировоззренческую общность: описывая встреченных в пути озверевших крестьянок, Тэффи употребляет эпитет «белоглазые». Это же слово звучит и у Бунина, однако в более широком ключе – русичи получают обобщающе-историческое определение: «Чудь белоглазая»[2,163]. И это уже не портретная характеристика, а значимое понятие, сочетающее в себе древнюю стихию бессмысленного бунта и новые реалии социальной революции. Разрушительное начало в сочетании с бессмысленным кровопролитием – вот что типизируется Буниным, вот что угадывается Тэффи в реалиях гражданской войны. Иван Алексеевич посвящает несколько страниц этим антисоциальным проявлениям, ищет в уголовной антропологии, человеческой психике истоки «русской вакханалии» [2,164]. И если Тэффи описывает этот тип в деталях, в мельчайших черточках, то у Бунина преобладает бытийный пласт – появляются слова «Каин России», «оплот и святыня», обращения к Богу: «Ратуйте, хто в Бога вируе!»[2,166] Он забегает вперед, чтобы показать, как плакал от горя и восторга, покидая эту сумасшедшую, грязную, дикую землю. Тэффи, делая то же самое, подчеркивает, что «оттуда» «лучше» видно, а Бунин – «вольнее» видно.

В записи И.А.Бунина от 11 июня есть такая фраза: «... я просто погибаю от этой жизни и физически и душевно. И записываю я, в сущности, черт знает что, что попало, как сумасшедший... Да, впрочем, не все ли равно!»[2,162] Эти слова – своеобразный итог всему написанному. И хотя Бунин утверждает, что были другие записи, более поздние, но пропали, именно в этих словах звучит неутешительный вывод. Чувство усталости от хамства и безнадежности, страха за жизнь свою и близких, отсутствие прошлого и будущего – все сливается в этом финальном «все равно!» И главное – пропадает надежда на то, что что-

нибудь изменится к лучшему, а это самое страшное. Уже ничего не изменить – хамство сильнее интеллигентности.

Источники и литература

1. Творчество Н.А.Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века/ Общ.ред. О.Н. Михайлов, Д.Д. Николаев, Е.М. Трубилова. – М.: Наследие, 1999. – 348 с.
2. И.Бунин. Окаянные дни. – М., Советский писатель, 1990. – 416 с.
3. Тэффи. Ностальгия: Рассказы. Воспоминания. – Л.: Художественная литература, 1989. – 450 с.
4. Михайлов О. Н. Жизнь Бунина. «Лишь слову жизнь дана...» - М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – 491 с.

Поступила в редакцию 05.07.2005 г.

Савостьянова М.В.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье анализируются перспективы и возможные риски глобализации. Рассматривается значение применения новых информационных технологий в жизни общества, их влияние на мировоззрение, мораль, ценности культуры.

Ключевые слова: информационное общество, глобализация, информация, информационные технологии, ценности

В статті аналізуються перспективи й можливі ризики глобалізації. Розглядається значення застосування нових інформаційних технологій у житті суспільства, їх вплив на світогляд, мораль, цінності культури.

Ключові слова: інформаційне суспільство, глобалізація, інформація, інформаційні технології, цінності

In article are analysed prospects and possible risks of globalization. It is considered importance of the using new information technologies in lifes society, their influence upon worldoutlook, moral, value of the culture.

Key words: information society, globalization, information, information technologies, value

Актуальность темы исследования. Существенной особенностью современных процессов глобализации является устойчивый рост масштабов применения новых информационных технологий в жизни общества. Новые информационные технологии становятся сегодня не просто инструментами, а процессами, которые развиваются. Однако нарастающая мощь информационных технологий не только делает неизбежным, но и значительно ускоряет распространение в сознании глобализирующейся культуры определенных стандартов - мировоззренческих, моральных, аксиологических. Стремительность этих процессов делает обращение к заявленной теме особенно *актуальным и своевременным*.

Степень разработанности проблемы. Вопросы, касающиеся роли информационных технологий в современном обществе рассматривались Д. Беллом, А. Тоффлером, К. Гелбрейтом, Н.П. Ващекиным, В.Л. Иноземцевым и др. Проблемы глобализации освещались рядом авторов. Актуальными для изучения заявленной темы представляются труды У. Бека, А.С. Панарина, Б. Паракхонского..

Из работ отечественных исследователей наиболее полезными для данного исследования оказались труды С.Б. Крымского, посвященные проблемам духовности современного общества, В.О. Ковалевского, исследовавшего философские проблемы информационного общества, а также работы В.В.Кизимы в области метафизики тотальности.

Задачи исследования. Современный мир оказывается в ситуации, когда благодаря процессам глобализации и развитию информационных технологий общества и культуры становятся предельно открытыми не только для движения капитала, но и для взаимопроникновения различных норм, идей и ценностей. В этой связи возникают следующие вопросы, требующие всестороннего анализа:

- каковы возможные риски глобализации;
- чем обусловлено приоритетное развитие информационных технологий в глобализирующемся мире;
- каковы мировоззренческие перспективы глобализации.

Методология исследования. Сегодня более чем когда-либо мир представляет собой единое развивающееся целое. Процессы глобализации и информацтизации неразрывно связаны между собой. Поэтому представляется, что для изучения заявленной темы потребуются, прежде всего, применение системного подхода, принципа развития, а также принципа целостности. В то же время, для определения места и роли информационных технологий в современном мире, их влияния на процессы глобализации, необходимо обращение к возможностям структурно-функционального анализа. Плодотворной также оказалась аксиологическая рефлексия происходящих в информационном обществе трансформационных процессов.